

Дзагаштов Азамат Мусарбиевич

САТИРА И ЮМОР В ТВОРЧЕСТВЕ БИБЕРДА ЖУРТОВА

В статье изучается смеховое творчество кабардинского писателя - юмориста и сатирика - Биберда Журтова. Основной акцент сделан не только на комические составляющие произведений, но и на духовный и нравственно-эстетический аспекты сатирико-юмористической прозы Б. Журтова. Впервые в данной работе представлено комплексное исследование сатиры и юмора во всем творчестве писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 16-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-7

В статье изучается смеховое творчество кабардинского писателя – юмориста и сатирика – Биберда Журтова. Основной акцент сделан не только на комические составляющие произведений, но и на духовный и нравственно-эстетический аспекты сатирико-юмористической прозы Б. Журтова. Впервые в данной работе представлено комплексное исследование сатиры и юмора во всем творчестве писателя.

Ключевые слова и фразы: сатира; юмор; комизм; комедиография; смеховая культура; юмористический рассказ; смеховые приемы.

Дзагаштов Азамат Мусарбиевич

*ВГТРК Радио России «Кабардино-Балкария», г. Нальчик
dzagashtov87@yandex.ru*

САТИРА И ЮМОР В ТВОРЧЕСТВЕ БИБЕРДА ЖУРТОВА

В представленной статье ставится задача исследования особенностей становления и эволюции сатиры и юмора в кабардинской литературе на примере творчества одного из основоположников сатирико-юмористических жанров Биберда Журтова (1937-2003). Расцвет творчества кабардинского прозаика и драматурга Б. Журтова приходится на период 50-60-х годов XX века. В литературоведении он «отмечен как этап наиболее бурного развития кабардинского литературного процесса, ввиду чего признан периодом “оттепели” не только в истории кабардинской, но и адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской) литератур в целом» [5, с. 199]. Именно этот период считается временем зарождения сатиры и юмора в творчестве писателя.

Б. Журтов – не только писатель, но и «философ и пристрастный мыслитель, который смотрит на мир под совершенно неожиданным, уникальным по своей природе углом зрения» [4, с. 49].

Комическое вплетено не только в сюжеты его сатирико-юмористических произведений, но и в романы, повести, пьесы, посвященные большим историческим событиям, социально-бытовым проблемам и другим явлениям жизнедеятельности человека. Большую популярность получили сатирические пьесы Б. Журтова «Укрощение свекрови» («Гуашэр зэрагъЭэсэр»), «Хороший зять он, валлаги!» («Малхъэ хьарзынэщ, уэлэхьи!»), комедия «Трудный долг» («Кьалэн хьэльэ»), занимающие значительное место в национальной комедиографии [1, с. 174].

Одно из направлений развития творчества Б. Журтова образуют его юмористические произведения. В 1971 году был издан сборник сатирико-юмористических рассказов «Моя настоящая фамилия» («Си унэцЭ дьдэр»), куда вошли десять небольших комических рассказов, в которых «сплетены» разные социально-бытовые проблемы.

Сатира рассказа «Больше не похож» («Ещхьыжкьым») ориентирована на творческую интеллигенцию. Здесь речь идет о молодом драматурге, который написал пьесу и отнес своему другу. После прочтения тот порекомендовал отнести ее в театр. Автор так и сделал. Пьеса пролежала там полгода, затем собрали главного режиссера и артистов, и каждый нашел замечания, которые следовало бы устранить. Эти замечания Б. Журтов описывает в своем рассказе детально, чтобы подчеркнуть уровень интеллекта некоторых представителей творческой интеллигенции и, как следствие, для усиления комического эффекта произведения. После всех замечаний драматург снова принес пьесу в театр и отдал другому человеку, после чего искал этого человека год. Однажды, случайно наткнувшись на него на улице, тот начал: «– О, салам алейкум, салам алейкум, что тебя не видно? – сказал он, улыбаясь. – Клянусь Всевышним, прочел твою пьесу, всем она понравилась, и решили поставить» [3, с. 15]. Автор обрадовался и даже представил, что его пьесу поставили, и как они вместе с другом смотрят постановку. Спустя некоторое время он снова пошел в театр, нашел этого человека, но в этот раз он сказал: «– Извини, брат, я не прочел твою пьесу. Тогда я тебя с кем-то перепутал. Клянусь, после работы времени не остается, приходящие по вечерам гости не дают покоя...» [Там же]. После всего этого драматург отнес пьесу к тому знакомому писателю, к кому несколько лет назад обращался. Тот, прочитав, начал возмущаться, что сюжет схож с предыдущей пьесой, которую ему приносили раньше. Но, когда писателю сказали, что это есть та же самая пьеса, которую ему представили несколько лет назад, но уже в доработанном виде, он потребовал вернуть ее первый вариант. Таким образом возникает парадоксальная ситуация. И в данном рассказе Б. Журтов не поднимает острых социальных и нравственных проблем, писатель пишет об извечных пороках человеческой природы – лжи, лицемерии, низком уровне интеллекта и т.д.

Сатира рассказа «Не смог заново подняться» («ЗыкьиЭтыжафакьым») направлена на человека, который из-за положения в обществе, социального статуса зазнался и чувствовал свою безнаказанность. Хатым (ХьэтЫм) был заведующим фермой. После трех месяцев работы развитие фермы пошло на спад. Удой молока сильно убавился, приплода стало меньше и т.д. Однажды днем на ферму заехала машина, в которой был только водитель. Он подошел к пастуху и на русском языке спросил, где можно найти Хатыма. Хатыму сказали, что этот парень его ищет, на что тот грубо ответил: «*Си уз хуей?*» [Там же, с. 20] – «Какого черта ему нужно?». Затем парень подошел к полулежаще-полусидящему Хатыму и протянул руку, чтобы поздороваться. Тот, не шевелясь, в таком же положении ему пожал руку. Гость попросил Хатыма зайти в дом и поговорить. В доме Хатым вел себя неприлично, приказал жене принести кефир и выпил, не предложив гостю ни присесть, ни попить кефира. В данном эпизоде юмор отступает на задний план, и автор подчеркивает невоспитанность и равнодушные человека, наделенного руководящей должностью. Сатирическая развязка ситуации наблюдается в следующем диалоге: «*После того как гость выслушал недовольные речи Хатыма, посмотрел на него и сказал:*

- *Смотрю на тебя, с виду нормальный, а присмотрюсь...*
- *Это не твое дело, – перебил его Хатым. – Ты чей водитель?*

– Секретаря райкома.
 – Этот секретарь мог бы выбрать кого-нибудь поумнее!
 – Этот секретарь я, товарищ! – сказал гость, мягким голосом, и добавил: Иванов Владимир Сергеевич, – слышали про такую фамилию?

Хатым слышал, что месяц назад в райкоме назначили нового секретаря, но фамилию не помнил» [Там же, с. 21].

Далее в рассказе ситуация еще более усложняется, и автором усиливается комический эффект произведения. После разговора с Хатымом секретарь райкома попросил собрать всех работников, так как хотел побеседовать со всеми. В суматохе, пока не началось собрание, Хатым пригрозил работникам на кабардинском языке, чтобы они отзывались о нем положительно. Но был поражен, когда секретарь райкома заговорил на кабардинском языке: «– Итак, товарищи, как поживаете, какие у вас жалобы? – обратился к собравшимся секретарь на чистом кабардинском языке. Хатым большими глазами уставился на него и медленно присел...» [Там же, с. 22].

В приведенных парадоксальных ситуациях автор обнажает истинную натуру, бюрократизм власть имущих. Прием сатирико-юмористического изобличения пороков человеческого характера и их высмеивания в кабардинской литературе является наиболее часто используемым, однако Биберд Журтов в своем рассказе сумел оригинально обыграть его.

Особенностью юмористических рассказов Б. Журтова являются парадоксальные ситуации, которые одна за другой сменяют друг друга или настолько тесно переплетены, что образуют единое комическое ядро произведения. Показательным в этом плане является рассказ «Это и есть сама Жансурат» («Ари езы Жансурат») [Там же, с. 53-56]. По сюжету данного рассказа, сын Жансурат – Мачраил – женился на хорошей девушке. Молодая невестка была воспитанной, доброй и нравилась всем, кроме свекрови – «самой Жансурат» («езы Жансурэт»). Она начала настаивать на том, чтобы сын развелся с невесткой и женился на другой. Мачраил так и сделал. Новой невестке нравились все, кроме самой Жансурат, поэтому она поставила перед мужем задачу выбрать либо ее, либо свою мать. После этого невестка настояла на том, чтобы они с мужем уехали от Жансурат и стали жить отдельно, но поближе к своим родителям. Мачраил понравился всем вокруг, даже родителям жены, кроме одного человека – самой его жены. В такой парадоксальной цепочке, придающей произведению анекдотичный характер, автор показывает моральное разложение института брака и семьи, своими корнями уходящего в древность адыгского народа, а также нравственно-духовную деградацию современного общества в целом.

Рассказ «Сварливая жена» («Щхьэгъусэ жьей») отличается от других юмористических произведений Б. Журтова манерой изложения, близкой к сказочной прозе. Главный персонаж произведения – Ислам – работающий человек, но его личная жизнь не сложилась, и он трижды был разведен. Однажды он поехал в гости к другу, жена которого ему приглянулась. Ислам попросил друга отдать ему свою жену, на что Исмел согласился с условием, что тот отдаст ему своих трех бывших жен. На этом друзья договорились и обменялись женами. Когда Исмел переносил трех бывших жен Ислама через реку Терек, он каждую спросил, почему муж развелся с ней? Первая ответила, что у нее был любовник, вторая много ела. Этим двоим Исмел оставил у себя, посчитав, что подобные недостатки можно исправить в человеке. Однако когда третья жена ответила на вопрос, почему муж развелся с ней, он утопил ее в реке: она сказала, что была сварливой, на что Исмел ответил: «Валлаги, человечество еще не придумало способ укрощения сварливой» [2, н. 115].

Произведения Б. Журтова занимают определенное место в кабардинской сатирико-юмористической прозе. Рассказы писателя – небольшие, однако каждый высмеиваемый в них образ является собирательным, что делает его оригинальным и запоминающимся. И в указанных выше рассказах, и в произведениях, вошедших в сборник, изданный в 1997 году, и в рассказах «Как дела?» («Дауэ ущыт?»), опубликованных в 1992 году в журнале «Ошхамахо», автор приводит детальное описание внешности и внутренних качеств каждого из персонажей, их физиологических и психологических особенностей, уровня интеллекта и т.д.

Разнообразен круг высмеиваемых автором человеческих пороков и жизненных явлений. Это, к примеру, слабохарактерность («Не поздоровался напоследок») [3, с. 3-5], цинизм («Больше не похож») [Там же, с. 11-15], малограмотность («Бог наказал») [Там же, с. 5-11], незнание и несоблюдение собственных традиций и обычаев («Я из новых родственников») [Там же, с. 30-32], недоброжелательность («Не смог заново подняться»), жадность («Большая сумма») [Там же, с. 16-20]. При этом Б. Журтов использует самые разнообразные смеховые приемы – иронию, юмор, сатиру, гротеск, а также изобразительно-выразительные средства языка (гипербола, сравнение, литота, эпитет, аллегория и др.), усиливающие комический эффект его произведений.

Сатирико-юмористическое творчество Б. Журтова внесло огромную лепту в становление смеховой культуры в кабардинской литературе. Его юмористические рассказы – содержательны, остры, легко читаются. На первый взгляд они кажутся простыми и непритязательными, но в каждом из них заложен глубокий смысл.

Список литературы

1. Алхасова С. М. Журтов Биберд Кумыкович // Писатели Кабардино-Балкарии. XIX – конец 80-х гг. XX в.: библиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 173-175.
2. Журтов Б. К. Как дела? Сварливая жена / на каб. яз. // Ошхамахо. 1992. № 3. Н. 112-115.
3. Журтов Б. К. Моя настоящая фамилия / на каб. яз. Нальчик: Эльбрус, 1971. 60 с.
4. Хавжокова Л. Б. Нравственно-философские искания в лирике Х. Бештокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2010. № 2. С. 49-52.
5. Хавжокова Л. Б. Философская лирика Анатолия Мукожева: художественное осмысление дихотомии «жизнь – смерть» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47). С. 199-201.

SATIRE AND HUMOUR IN BIBERD ZHURTOV'S CREATIVE WORK

Dzugashtov Azamat Musarbievich*Russian Television and Radio Broadcasting Company Radio Rossiya "Kabardino-Balkaria", Nalchik
dzugashtov87@yandex.ru*

The article examines the laughing creative work of the Kabardinian humourist and satirist writer Biberd Zhurtov. The study focuses not only on the comic elements of the literary works but also on the spiritual and moral-esthetical aspects of B. Zhurtov's satirical and humorous prose. The paper for the first time presents the comprehensive study of satire and humour in the writer's creative work on the whole.

Key words and phrases: satire; humour; comic element; comedialogy; laughing culture; humorous story; laughing techniques.

УДК 821.161.1

Статья посвящена одному из основополагающих мотивов творчества Андрея Белого – мотиву безумия. В статье рассматривается своеобразие авторской интерпретации темы безумия в антропониме «Иван Иванович Коробкин» в романе А. Белого «Москва» и репрезентации образа сумасшедшего дома в социально-философском аспекте. Категория имени в романе А. Белого – значимый элемент, который позволяет более детально раскрыть образ героя-безумца, что отражено на различных уровнях мотивной структуры и образной системы произведения.

Ключевые слова и фразы: антропоним; категория имени; феномен безумия; образ сумасшедшего дома; творческий мотив.

Назаров Иван Александрович, к. филол. н.*«Музей М. А. Булгакова» ГБУК г. Москвы
nazarov.postbox@gmail.com***Костикина Алина Аркадьевна***Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино»
kostikina-aa@yandex.ru***АНТРОПОНИМ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗА БЕЗУМЦА В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА»**

В отечественной литературе 1920-1930-х годов особое значение приобретают различные аспекты феномена безумия: философское осмысление темы сумасшествия, пограничные состояния психики, образы безумца и сумасшедшего дома, тема лечения душевнобольных нашли отражение в творчестве А. Т. Аверченко («Шутка мецената» (1923)), М. А. Булгакова («Красная корона» (1922)), В. Я. Шишкова («Угрюм-река» (1932)), К. К. Вагинова («Гарпагоониана» (1934)) и других писателей. Тема безумия проходит сквозь весь творческий путь Андрея Белого: ее воплощение прослеживается в его поэзии («Золото в лазури» (1903), «Безумец» (1904)), прозе («Рассказ № 2» (1902), «Адам. Записки» (1908), «Петербург» (1913), «Жотик Летаев» (1915), «Записки чудака» (1922)), драматургии («Гибель сенатора (Петербург)» (1924)), критических статьях («Гоголь» (1909), «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (1911)), мемуарах («Начало века» (1933), «Между двух революций» (1934)) и письмах. Значимость различных аспектов темы сумасшествия в творчестве Белого (мотив галлюцинаций, образ безумца, феномен петербургского безумия) отмечена в работах С. Г. Бочарова [4], Е. Григорьевой [8] и других исследователей.

Неотъемлемой частью художественного образа является категория имени – П. А. Флоренский находил, что имена в литературном произведении являются «средоточными ядрами самих образов», а «каждое имя – свой особый, самозамкнутый мир... всякое имя... непременно действенно» [14, с. 267]. Категория имени – значимый элемент, служащий для раскрытия образа безумца, что находит отражение на различных уровнях мотивной структуры и образной системы художественного произведения: имя и прозвище героя (Поприщин в повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» [6], Сарданапал в драме Н. С. Лескова «Расточитель» [10]), специфическая реакция героя на услышанное имя (Дуня в романе Д. Григоровича «Переселенцы» [7]), двойник главного героя (Мэри в романе Е. П. Ростопчиной «Счастливая женщина» [12], Фома в романе Л. Н. Андреева «Сашка Жегулев» [1, т. 4]). В данной статье будут рассмотрены особенности реализации мотива безумия в антропониме «Иван Иванович Коробкин» в трилогии А. Белого «Москва».

В романе «Москва» (1926-1930) тема безумия представлена как на сюжетобразующем уровне, так и в рамках социально-философской проблематики. Роман изобилует различными отсылками к указанной теме: упоминается Канатчикова дача, рухнувший блаженный Яша, носители «странных» душевных болезней; особое внимание автор уделяет пограничным состояниям психики героев, прибегает к изображению визуальных и звуковых галлюцинаций.

По сюжету романа профессор Иван Иванович Коробкин оказывается в психиатрической лечебнице после столкновения с Мандро: последний пытался завладеть научным открытием и, не получив желаемого, пытался профессора и выжег ему глаз (из-за пережитого герой частично лишается памяти). Отметим, что персонаж с именем Иван Иванович Коробкин, бывший для автора, по воспоминаниям К. Н. Бугаевой, «самым близким